

Посвящается Моос, Моон и Йес

Не помню, когда именно мы утратили чувство реальности и всякий к ней интерес, но в какой-то момент мы решили, что реальность — это не единственная данность, что возможно, допустимо и даже желательно ее совершенствовать, что мы способны сотворить нечто более приятное.

*Ада Луиза Хакстебл.
Нереальная Америка*

ОДИН

Если бы это было кино, то в первом кадре мы увидели бы, как по Уитли-авеню пыхтит старенький светло-бежевый «олдсмобил», пытаюсь взобраться на вершину Уитли-Хайтс. Он дымит и гудит, мучая мотор на крутом подъеме. Пальмы, обветшалые жилые дома, четкие контуры, создаваемые заходящим, почти касающимся крыш жгучим калифорнийским солнцем. Вечер.

Следующий кадр: кабина «олдса», где сидят трое мужчин.

Двое из них уже в годах — мужчине на заднем сиденье явно за шестьдесят, пассажиру впереди — семьдесят. Самый молодой — за рулем. Ему около сорока. Они молчат, каждый по-своему, в кабине такого же кремового цвета, как и барочный кузов, — образец американской безвкусицы.

Старший, массивный мужчина на переднем сиденье, пытается включить кондиционер, нажимая все кнопки подряд. У него седые вьющиеся волосы и невинные карие глаза. Крепкий подбородок закрывает шею, а руки — трогательно маленькие, пухлые и мягкие, как у ребенка.

Он может задать вопрос наподобие: «Так достаточно прохладно?»

У него колючий голос чревовещателя (слова выходят как будто из кишок), хорошо поставленный, как у профессионала.

Шестидесятилетний пассажир на заднем сиденье тщательно следит за собой. Он гордится своими густыми рыжими волосами (слишком яркими, будто крашеными) и целыми зубами (он чистит их после каждого приема пищи). Демонстративно он вытирает со лба пот. У него зелено-голубые глаза, скуластое лицо, сильные челюсти — идеальная внешность на роль главврача в какой-нибудь мильной опере.

— Я здесь задыхаюсь, — говорит он. У него тоже глубокий, но хрипловатый, гортанный голос, непредсказуемо вибрирующий в результате тысяч выкуренных сигарет и бесчисленных ночей, проведенных в компании с виски со льдом.

— К сожалению, холоднее не получается, — робко отвечает толстый мужчина.

— Не отвлекайтесь! — взывает водитель к своим спутникам.

Поскольку он сидит за рулем и очевидно пользуется авторитетом, чтобы делать подобные замечания, у зрителей должно создаться впечатление, что он главный герой. Именно его тайны должны раскрыться в ходе фильма.

Трое мужчин смотрят в одном и том же направлении, слева от машины — что-то привлекло их внимание. «Олдс» тормозит.

Следующий кадр: улица, на которой остановился автомобиль. Вилла в стиле ар-деко, затейливая голливудская постройка, с белыми оштукатуренными стенами, вычурно коваными ставнями и украшениями времен старого Голливуда. Вокруг пальмы и тропические растения. Мужчины смотрят на этот дом с неподдельным интересом.

Новый кадр: патрульная машина полиции Лос-Анджелеса, припаркованная возле «олдса». Около машины курит полицейский в униформе. Он машет пассажирам «олдса».

Снова в кадре трое мужчин, пристально следящих за домом и не обращающих внимания на полицейского.

— Пошли? — спрашивает водитель.

— Пошли, — отвечает толстяк.

— Да, — говорит потеющий мужчина.

В кадре «олдс». Они выходят из машины. Никакой спешки. На всех троих темные костюмы, белые рубашки, нейтрального цвета галстуки. Они непохожи на гангстеров, скорее на инспекторов полиции (и их приветствует полицейский в униформе) или частных детективов.

Один из них, тот, что потеет, кричит полицейскому:

— Перестань махать, Чарли! Мы пошли в дом, а ты карауль.

— Как скажете, шеф.

Явно полиция.

Несмотря на слегка сторбленную под тяжестью лет спину, толстяк возвышается над своими спутниками. Грузная верхняя часть тела контрастирует с нижней; худые коленки и икры, словно палки, подпирают туловище. Фигура ходячей груши.

Они вытаскивают из багажника три чемодана и спокойно направляются по дорожке из розового булыжника, мимо гаражей, к заднему входу виллы.

Старший идет впереди. Очевидно, он знает дорогу. Он открывает железную декоративную ограду, проводит их через бассейн (ка-

мера сверху так, чтобы было видно дно, выложенное красной плиткой) и останавливается у окна.

Массивная тростниковая стена, укрытая побегами плюща и кустарника, отражает их от соседей. Никто их не видит.

В окне, разделенном на шесть частей, есть пазы.

— Я вышибу стекло, — пыхтя, объявляет толстяк. Вообще-то возраст и плохая физическая форма не позволяют ему брать на себя лидерство. Хриплым голосом он продолжает: — Около кухни сигнализации нет. Но как только я войду на кухню, сигнализация заработает. За пять секунд я ее отключу. Поэтому не убегайте, шум является частью плана.

«Разве может полиция просто так вломиться в чужой дом?» — вероятно, подумают зрители.

— Я умираю от страха, — говорит потеющий, — я на такое не рассчитывал.

— Отступить уже поздно, — предупреждает водитель.

Так же, как у старшего, у него большие карие глаза, которые, однако, нельзя назвать невинными, они полны грусти и меланхолии. Скорее всего, они всегда такие, даже в состоянии усталости или раздражения. У него стран-

ный обмен веществ — как только набирает один-два килограмма, лицо сразу отекает. Волосы начали редеть. У него черные брови и длинные женские ресницы. Будь он актером, он смог бы сыграть все, но, скорее всего, его взяли бы на роль бандита из Восточной Европы или опустившегося еврея.

Пожилой толстяк надевает грязные кожаные перчатки, кончики пальцев которых уже блестят от длительного пользования. Он выдавливает часть стекла в окне.

Звук разбивающегося стекла утопает в гуле копящего Голливудского шоссе к северу от виллы. (Чтобы показать источник шума, может быть, следует еще раньше вставить кадр с видом на шоссе из машины, когда «олдс» поднимается в гору?) Толстяк просовывает руку внутрь, открывает замок и распахивает окно.

Ему необходима помощь, когда он перелезает через подоконник. Все-таки это пожилой тучный человек с негнушимися конечностями, и, возможно, где-то ему следует проявить слабость, свидетельствующую о каком-то серьезном заболевании.

Камера (как бы глазами водителя) сопровождает толстяка, подходящего к кухонной двери.

Сразу же раздается пронзительный вой сирены. Потевший с ужасом смотрит по сторонам, ошеломленный диким визгом, а водитель делает успокаивающий жест.

Через пять секунд, как и обещал толстяк, сирена глохнет и замирает с протяжным, жалобным вздохом. Кажется, ничто не нарушило порядок в этом мире.

Камера остается снаружи до тех пор, пока толстяк не открывает дверь изнутри кухни.

— Заходите, — приглашает он. — Ничего не трогайте. Мы сразу же спустимся вниз.

Следующий кадр: интерьер виллы. Трое мужчин проходят через кухню, размахивая пустыми чемоданами. Кухня выглядит так, как была спроектирована еще в «бурных» двадцатых годах, включая чугунную жаровню и кафель в стиле ар-деко. Однако атрибуты современности тоже присутствуют — микроволновая печь, миксер, аппарат для варки эспрессо.

Толстяк открывает дверь, и они видят лестницу, ведущую в подвал.

— Еще неделю назад я ничего не знал, — вздыхает потевший.

— Замолчи, — приказывает водитель.

Они с шумом спускаются по лестнице и оказываются в темном коридоре. Толстяк включает свет.

Сводчатый потолок в романском стиле, пол из коричневой монастырской плитки, кирпичные стены. Эта часть дома не вписывается в общий стиль ар-деко — ажурный, прозрачный и изящный. Наоборот, атмосфера в подвале тяжелая и гнетущая, точно в германском подземелье, на котором зиждется веселый внешний мир.

Толстяк открывает еще одну дверь, зажигает свет, и затем следует «разоблачающий кадр»: замурованный сейф, с тяжелой дверью, покрашенной зеленой краской, в полтора метра высотой, крепящейся на двух шарнирах с внешней стороны широкой металлической рамы.

— Господин Грин, приступайте, — говорит толстяк и отходит в сторону, уступая место водителю.

Итак, водителя зовут Грин. Запомним.

Низкий потолок все же позволяет Грину вытянуться во весь рост.

Он вытаскивает ключ из кармана брюк и долго смотрит на него под пристальным наблюдением своих спутников, которые также зачарованы «явлением» ключа. Таким образом, момент приобретает некую торжественность.

Грин отодвигает металлический язычок, висящий над замочной скважиной, и вставляет ключ.

— Она нас подставила? — спрашивает потеющий.

Зрители не знают, кого он имеет в виду. Но они надеются, что вскоре станет ясно, кто такая она. В хороших фильмах ничего не происходит просто так.

— Подходит? — спрашивает толстяк.

Грин поворачивает ключ.

Теперь неожиданно смелый кадр, изображающий конструкцию сейфа. Как будто камера находится внутри. Крутящиеся зубчатые колесики, движущиеся рычажки — что-нибудь в этом роде.

Затем снова в кадре Грин. Двумя руками он берется за рычаг, торчащий над замком и указывающий направо — он стоит на половине пятого, — и резким движением поворачивает его налево, до половины восьмого.

— Как по маслу, — шепчет он.

Он хватается за ручку и открывает дверь сейфа. Плита толщиной в десять сантиметров, дверь идеально балансирует на шарнирах и легко поддается.

Они заглядывают в глубь сейфа.